

СУРИКОВА (Метлина) Ия Борисовна

...21 июня вечером бабушка заняла очередь за конфетами-подушечками, а на следующее утро разбудила меня, чтобы пойти в магазин вдвоем, – так можно было получить любимых сладостей в два раза больше. Мы долго стояли в очереди, и вдруг из репродуктора услышали речь Молотова: началась война. Люди в очереди зашептались, говорили, что, может, это ненадолго. Эти конфеты я запомнила навсегда...

Мы вернулись в Камышин. Только самая младшая сестренка, Светлана, осталась у бабушки и дедушки. В Камышине папа был назначен начальником госпиталя, разместившимся в здании школы, – той самой, куда я собиралась пойти в первый класс. Каждый день я носила папе обед. В сетке-авоське – кастрюлька с супом, второе – между двумя тарелками, компот – в бутылке. В госпитале папа даже чай не пил, боялся, что подаст плохой пример, и другие работники начнут разворовывать казенные продукты. Пока папа обедал, меня пускали к раненым. Я им стихи читала, папироски раздавала. Они радовались. Отец строго-настрого запретил что-то у них брать. А однажды, когда забирала посуду, полезла в карман и обнаружила там кусочек сахара. Видимо, кто-то из солдат мне в карман сунул. Отец узнал, отругал... А я ведь не специально...

Вскоре отец ушел на фронт. Мы провожали его. Помню, как папа стоял на палубе парохода и махал нам рукой, а мама плакала...

Камышин, расположенный рядом со Сталинградом, бомбили чуть ли не каждый день. Мы прятались в зигзагообразной канаве, получившей у горожан название «щель». Иногда в «щели» же и ночевали. А однажды мы пошли с мамой и сестрой на рынок. Из магазинов-то все моментально исчезло, а на рынке можно было многое купить. Мама отошла что-то посмотреть и говорит мне: «Держи сестру за руку и ни в коем случае не отпускай». Я и держу. Вдруг – немецкий самолет! Бомбит! И летит так низко, что, казалось, задевает деревья. Мы отчетливо видели летчика – темные очки, тонкая полоска губ. Он мне и сейчас иногда снится. Поравнялся с нами, и мы в упор друг на друга посмотрели. Я как будто не понимала, что бомбят... Тут мама подбежала, бросила нас с сестрой под телегу и легла сверху. Самолет улетел, а к нам подъехала полуторка, стали собирать раненых, погибших. Мне осколком немного задело бедро, и маму тоже слегка ранило. Но зажило быстро. Помню, старичок один плакал...

После этого мы решили уехать из Камышина. Сначала думали, что, может, к бабушке и дедушке прорвемся. Сели на поезд, идущий в Ставрополь. Он, конечно, битком. Разместились у окошка, сестра у мамы на коленях, я рядом. Состав двигался очень медленно, а потом и вовсе остановился. Объявили: «Дальше поезд не пойдет, дорога разбита». Началась паника: стоим в поле, нигде не спрятаться, на западе зарево - Ростов-на-Дону горит... Люди кричат: «Сейчас немецкие танки придут!...». Вдруг видим, лошади тащат орудие, сзади его наши солдаты подталкивают – расчет идет. Мы военным кричим: «Помогите!» Не остановились. Потом второй расчет – тоже мимо нас. Паника нарастает. Перед третьим расчетом мама на колени встала: «Помогите Христа ради...». Тут лейтенант сжалился, махнул рукой. Нас посадили на орудие. Сидеть было неудобно, но мы удержались... Если бы упали, то, наверное, никто бы не поднял... Лошади еле тащились, дорога вся разбитая. Одна лошадь сломала ногу! Лейтенант в упор её застрелил... Пришли в место назначения – солдаты землю копают, готовятся встречать немецкие танки. А я реву, мне лошадку жалко...

ЮМ